

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.5

«Неустанное молчаливое сотрудничество»: Л. Н. Толстой в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»

© Е. Г. Новикова

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36.

Тел.: +7 (3822) 53 40 79.

Email: elennov@mail.ru

В статье развиваются научные идеи Р. Г. Назирова о том, что отношения Ф. М. Достоевского с современными ему художниками и мыслителями были «молчаливым сотрудничеством». Примером такого «молчаливого сотрудничества» Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого стало отношение журнала братьев Достоевских «Время» к педагогической деятельности и художественному творчеству Толстого в начале 1860-х годов. В статье впервые фронтально описан и изучен весь материал обращения к Толстому во «Времени»: заметка А. У. Порецкого о журнале «Ясная Поляна», специальная анонимная статья о журнале Толстого, «Журнальная заметка» Ф. М. Достоевского, статьи И. Г. Долгометьева «Некоторые педагогические и научные тенденции» и «Сказание о «Дураковой плещи» (по поводу распри «Современника» с «Ясной Поляной»)», цикл статей А. А. Григорьева о повестях Толстого и статья Я. П. Полонского о «Казаках». В этот период Толстой привлекал Достоевского, прежде всего, как талантливого и самобытного педагога, в то время как его художественное творчество оценивалось в журнале достаточно неоднозначно. В статье использованы биографический, сравнительно-исторический, историко-литературный и интертекстуальный методы литературоведческого анализа текста.

Ключевые слова: Р. Г. Назиров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, журнал братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», педагогическая деятельность Л. Н. Толстого.

Р. Г. Назирову принадлежит изумительное определение творческого взаимоотношения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого как «...**неустанного молчаливого сотрудничества, творческого взаимообмена** (Курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам, полужирные – автору статьи. – Е. Н.), в форме согласия или спора – все равно» [5, с. 188]. Размышляя об известной «истории одной вражды» Достоевского и И. С. Тургенева, ученый утверждает, что отношения Достоевского с современными ему художниками и мыслителями были, в конечном счете, «молчаливым сотрудничеством» и «творческим взаимообменом».

Свою замечательную формулу – «неустанное молчаливое сотрудничество» – ученый по праву распространяет и на историю взаимоотношений Достоевского и Толстого: «Почему плакал Толстой, узнав о смерти Достоевского, с которым не был знаком и не переписывался? Творческая связь – это отношение скрытно-личное, но в известном смысле более тесное, чем у людей, вместе съевших пуд соли» [5, с. 169].

Вероятно, эта мысль Р. Г. Назирова восходит к бахтинской концепции диалога; но «неустанное молчаливое сотрудничество» – это несколько иное, это то глубокое взаимопонимание, которое может возникнуть только у людей одной страны и одной эпохи, это совместная творческая деятельность современников, сосредоточенных на общих проблемах времени и бытия. Действительно, первым на эту специфику Достоевского указал М. М. Бахтин, назвав

его «художником идеи»: «Достоевский умел именно *изобразить чужую идею*, сохраняя всю ее полноту как идеи, но, в то же время, сохраняя и дистанцию... Идея в его творчестве становится *предметом художественного изображения*» [1, с. 97]. Вслед за М. М. Бахтиным Г. С. Померанц назвал эту особенность Достоевского «мышлением характерами мыслителей» [7, с. 379], Б. Н. Тихомиров – «мышлением образами мыслителей» [11, с. 397]. Возможно, эту особенность Достоевского-художника следует определить как «мышление мышлением мыслителей» – и, в таком случае мы, фактически, вновь возвращаемся к М. М. Бахтину с его представлением об идее у Достоевского как о «...живом событии, разыгрывающемся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» [1, с. 100].

Ярким примером такого «молчаливого сотрудничества» Достоевского с Толстым стало отношение журнала братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» к педагогической деятельности и художественному творчеству Толстого в начале 1860-х годов. Впервые гипотеза об особом отношении «Времени» к деятельности Толстого была высказана, вероятно, Д. Л. Соркиной: «Швейцарскому учителю он [Мышкин – Е. Н.] сказал, что они оба ничему не научат детей, а „они нас научат“ ... В этом заявлении... слышится отголосок статьи Л. Н. Толстого „Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?“» [9, с. 148]; «„система“ Льва Николаевича Мышкина, которую он применял и при обучении взрослых в России, сложилась под непосредственным влиянием статей Льва Николаевича Толстого. О журнале Толстого „Ясная Поляна“ много и сочувственно писало „Время“ (1861, №9, 1862, №3, 1863, №1)» [10, с. 42].

Затем определенное внимание этому уделила В. С. Нечаева [6, с. 132–134]. «Но в целом этот вопрос требует специального исследования», – подчеркивает Д. Л. Соркина далее [10, с. 42]. Цель данной статьи – впервые фронтально описать и проанализировать весь материал обращения к Толстому во «Времени» братьев Достоевских.

Трудно переоценить значение журнала «Время» в жизни и творчестве Достоевского. Этот журнал стал первой трибуной писателя после десятилетнего сибирского отсутствия, его первым свободным и развернутым высказыванием после вынужденного молчания – высказыванием, основу и содержание которого составил его новый уникальный жизненный опыт. И одной из постоянных тем «Времени» стало творчество и педагогическая деятельность Толстого, интерес к которому оказался связанным с ключевой философско-публицистической позицией журнала – с почвенничеством.

Насколько сейчас известно, первое упоминание Достоевского о Толстом содержится в его письме от 15 апреля 1855 года Е. И. Якушкину из Семипалатинска: «Уведомьте, ради Бога, кто такая *Ольга Н.* и *Л. Т.* (напечатавший „Отрочество“ в „Современнике“)»? [3, т. 28, с. 184]. Как видим, Толстой впервые входит в круг чтения Достоевского как автор повести о ребенке, о детстве. Гораздо позже, в «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский об «Отрочестве» напишет: «Чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный» [3, т. 25, с. 32].

Если самое первое читательское впечатление Достоевского о творчестве Толстого – это его «детская» тема, то во «Времени» за 1861 год, во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе», Достоевский обращается уже к его севастопольским рассказам. «Введение» в значительной своей части написано как авторское обращение к «европейцам» – для того, чтобы поставить один из важнейших вопросов Достоевского-мыслителя, вопрос о том, что «русская нация – необыкновенное явление в истории всего человечества» [3, т. 18, с. 54]. Именно в связи

с этой предельно значимой для писателя национальной проблематикой он и обращается к Толстому: «Вот вы, например, откуда-то взяли, что мы фанатики, то есть что нашего солдата у нас возбуждают фанатизмом. Господи Боже! Если бы вы знали, как это смешно! Если есть на свете существо вполне не причастное никакому фанатизму, так это именно русский солдат. Те из нас, кто бывал и жывал с солдатами, знают это до точности. Если б вы знали, какие это милые, симпатичные, родные типы! О, если бы вам удалось прочесть хоть рассказы Толстого; там кое-что так верно, так симпатично схвачено! Да что! неужели Севастополь русские защищали из религиозного фанатизма? Я думаю, ваши храбрые зуавы хорошо познакомились с нашими солдатами и знают их. Много ли они от них видели ненависти? [3, т. 18, с. 57].

Но в целом формирующееся во «Времени» представление о Толстом определяется не и даже не столько – отдельными высказываниями Достоевского о нем, сколько общей издательской и редакторской политикой братьев Достоевских, консолидировавших и опубликовавших во «Времени» целый комплекс посвященных ему материалов. Толстой предстал в журнале Достоевских и как писатель, и как создатель оригинальной педагогической концепции.

Педагогическая деятельность Толстого освещена в следующих материалах журнала: в отделе «Наши домашние дела», который вел А. У. Порецкий (1818–1879) в сентябрьском номере «Времени» за 1861 год, в специальной анонимной статье «„Ясная Поляна“, журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. Январь 1862» в мартовском номере «Времени» за 1862 год, в «Журнальной заметке» Ф. М. Достоевского в январском номере 1863 года, в обзорной статье И. Г. Долгомесьева (1836–1867) «Некоторые педагогические и научные тенденции», опубликованной в февральском номере 1863 года, наконец, еще в одной – специальной – статье И. Г. Долгомесьева «Сказание о „Дураковой плешу“ (по поводу распри „Современника“ с „Ясной Полянью“»)» в мартовском номере «Времени» того же года.

В свою очередь, художественному творчеству Толстого во «Времени» была посвящена часть литературно-критического цикла А. А. Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой», опубликованного в январском и сентябрьском номерах журнала за 1862 год, и статья Я. П. Полонского «По поводу последней повести Л. Н. Толстого „Казак“ (Письмо к редактору „Времени“»)» – в мартовском номере 1863 года.

Тема педагогической деятельности Толстого начинается во «Времени» в сентябрьском номере 1861 года анонсированием его журнала «Ясная Поляна». Постоянный ведущий отдела «Наши домашние дела (Современные заметки)» А. У. Порецкий встречает известие о нем и его программу с большим сочувствием: «Граф Л. Толстой объявляет о предпринятом им издании нового журнала: не вдаваясь ни в какие суждения об этом предприятии, мы изложим сущность его словами самого объявления. «...в сельце Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивинского уезда, будет издаваться ежемесячный журнал под названием „Ясная Поляна“ ... Ежемесячное издание будет состоять из двух отдельных выпусков: „Школа Ясной Поляны“ и „Книжка Ясной Поляны“. Школа будет заключать в себе статьи педагогические, Книжка будет содержать статьи народные, т. е. удобопонятные и занимательные для народа» [2, 1861, №9, с. 41].

Именно изданием для народа предстает «Ясная Поляна» в этом первом его описании во «Времени». А. У. Порецкий особо подчеркивает следующую часть программы Толстого: «...мы намерены представлять на суд народа, собирающегося в нашей школе, все те книги, которые, по нашему крайнему разумению, ближе подходят к нему, и не стесняясь ничем, печатать в отделе „Книжек Ясной Поляны“ только те статьи книги, которые будут ими одобрены [2, 1861, №9, с. 42]. «Нам остается от души желать, чтоб удался этот смелый опыт выбора книг и статей

для народа» [2, 1861, №9, с. 42], – так завершается эта первая информация о «Ясной Поляне» в журнале братьев Достоевских.

В мартовском номере «Времени» за 1862 г. появляется уже большая специальная статья «„Ясная Поляна“, журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. Январь 1862», посвященная самому первому номеру журнала Толстого. В ней продолжена и усилена, после объявления о новом журнале А. У. Порецкого, тема народного образования: «...нашелся человек, который... прямо пошел навстречу народу, просящему духовной пищи, и предложил ему эту пищу с необыкновенной простотой и естественностью» [2, 1862, №3, с. 66]. Более того, анонимный автор статьи особо подчеркивает то, что к проблеме народного образования обратился человек, который «вышел не из народа»: «И человек этот вышел не из народа, а из той среды, которую по теории народ должен не признавать как чужую и незнакомую. Мы говорим о графе Л. Н. Толстом, имя которого выставлено в заглавии нашей статьи... Журнал „Ясная Поляна“, сколько можно судить по первому номеру и набросанным в нем предположениям, есть ни что иное как проведение заветной мысли о народном образовании, которую долго носил в душе гр. Толстой... Гр. Толстой не теоретик, а человек, бегущий от теории на свободу, на чистый воздух, к свежей, первобытной человеческой природе, просить у ней защиты от теории и совета, как ему поступать в его деле» [2, 1862, №3, с. 66].

Эта статья «Времени» опирается на три базовых материала первого номера «Ясной Поляны»: «К публике», «О народном образовании» и «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы. Общий очерк характера школы. Чтение механическое и постепенное. Грамматика и писанье», в ней представлены обширные выписки из них. Ключевой идеей статьи становятся слова Толстого о том, что «...критериум педагогики есть только один – свобода» [12, т. 8, с. 24]. В целом, в ней бережно воспроизведена та картина глубоко уважительного и нежного отношения Толстого к своим маленьким ученикам, которая так трогает нас в педагогической деятельности великого писателя.

Интенсивно обращается «Время» к педагогике Толстого и в 1863 году – в январе, феврале и марте (апрельский номер журнала, как известно, станет последним). Во-первых, об этом пишет сам Достоевский в «Журнальной заметке» в январском номере журнала. Ее подзаголовок – «О новых литературных органах и новых теориях». «Мы хотим сказать слова два о новоявившихся и обновившихся периодических изданиях наших», – так начинает ее Достоевский [2, 1863, №1, с. 175].

Этот обзор журналов писатель предпринимает, в конечном счете, для того, чтобы продемонстрировать и проанализировать те «новые теории», которые они предлагают. В частности, Достоевский активно полемизирует с формирующимся в российской прессе представлением о пассивности российского общества на фоне правительственных реформ. Именно в этом контексте он и обращается к школе Толстого: «По делу о воспитании достаточно указать хоть на деятельность графа Льва Толстого и его сотрудников... не знаем, насколько именно все эти заявления, отдельные мнения... были полезны правительству. Но что они были полезны – это несомненно» [2, 1863, №1, с. 179].

Эта «Журнальная заметка» – прямое и непосредственное свидетельство о том, что Достоевский внимательно следил за педагогической «деятельностью графа Льва Толстого и его сотрудников».

Во-вторых, в обзорной статье И. Г. Долгомесьева «Некоторые педагогические и научные тенденции», опубликованной в февральском номере журнала и посвященной актуальным

направлениям современной педагогической мысли, назван и журнал Толстого «Ясная Поляна». Автор статьи размышляет о том, что российские «...чисто педагогические журналы... пробавляются пересадкой немецких методов на русскую почву, а журналы непедagogические... сводят педагогические вопросы...» к «...вопросам жалким и ничтожным...» [2, 1863, №2, с. 40–41]. Единственное принципиальное исключение из этой общей плачевной картины представляет собой, по мысли Долгомесьева, «Ясная Поляна» Толстого [2, 1863, №2, с. 40–41].

Наконец, в-третьих, это еще одна статья Долгомесьева «Сказание о „Дураковой плешу“ (по поводу распри „Современника“ с „Ясной Поляной“»)» в мартовском номере «Времени».

Она появляется в знаменательном контексте полемики Достоевского с тем же «Современником»: уже в февральском номере журнала началась его полемика с «молодым пером» «Современника» (М. Е. Салтыковым-Щедринным), которая в мартовском номере была продолжена: «Молодое перо. По поводу литературной подписи („Современник“ № 1 и 2)» [2, 1863, №2, с. 221–226]; «Опять „Молодое перо“. Ответ на статью „Современника“ «Тревоги „Времени“» („Современник“, март, №3)» [2, 1863, №3, с. 148–163]. Именно жесткое полемическое начало, направленное против «Современника», отличает и статью И. Г. Долгомесьева.

Кстати сказать, М. Е. Салтыкова-Щедрина он также упоминает: «Правда, Толстой никогда не дойдет в либерализме, например, до почтенного г. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), этого замечательного нигилиста de l'endemain, но и то сказать – г. Щедрин неопит, и каждому понятна его ревность. Всякому свое» [2, 1863, №3, с. 108].

Грубоватое название статьи также восходит к «Современнику»: «...вообще говоря, „Современник“ втихомолку считал нас с вами, читатель, за совершенных пешек, а в первой книжке даже и положительно высказал, что мы с вами ...не кто иные, как люди из „Дуракова болота лезущие на Дуракову плешу“ (зри фельетон первой книги „Современника“ „Наша общественная жизнь“). Я давно уже подозревал, что „Современник“ добрался до этой „плешу“, честь открытия которой принадлежит ему одному в литературе» [2, 1863, №3, с. 99–100].

И далее И. Г. Долгомесьев объясняет, что под «Дураковой плешью» он имеет в виду две статьи в этой же январской-февральской книге «Современника» за 1863 год [8, 1863, т. ХСIV], посвященные педагогическим проблемам: «Когда же я прочел две педагогические статьи в его первой книге, подозрения мои оправдались на деле. Одна из них, статья г. Слепцова „Педагогические беседы“ до того ерунда... что нет ни малейшей возможности добиться в ней никакого смысла... другая статья „Наши толки о народном воспитании“. Мы охотно оставили бы и ее пребывать во мраке неизвестности, полагая, что в таком мраке остаются все статейки, не освещенные критикой; но... эта статья о графе Л. Н. Толстом» [2, 1863, №3, с. 100].

По мнению И. Г. Долгомесьева, статья «Наши толки о народном воспитании» «...принадлежит, по-видимому, совокупному творчеству редакции» [2, 1863, №3, с. 100], т. е. имеет программный характер. Эта статья «Современника» направлена против Толстого, против его статьи «Воспитание и образование» [12, т. 8, с. 211–246], которая была опубликована в июльском номере «Ясной Поляны» 1862 года. В самом начале этой статьи Толстой, в частности, пишет: «... я боюсь полемики, втягивающей в личное и недоброжелательное пустословие, как статья „Современника“» [12, т. 8, с. 21]. Он имеет в виду резкую, во многом направленную против него лично статью «Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. Москва 1862. – „Ясная Поляна“. Книжки для детей. Книжки 1 и 2-я», опубликованную в третьем номере «Современника» за 1862 год [8, 1862, т. ХСII, с. 122–138].

Так, данная статья И. Г. Долгомесьева возникла в плотном полемическом контексте, с одной стороны, между «Временем» и «Современником», с другой стороны, между «Современником» и «Ясной Полянкой», и представляет собой мощную защиту педагогики Толстого: «...статья Толстого совершенно удобопонятна; Толстой, как всегда, так и в этой статье („Воспитание и образование“, июль „Ясной Поляны“ 1862), является действительно врагом всякого *нигилизма*, т. е. ничтожества, пустозвонства и тому подобных современных добродетелей, а собирается он защищать народ от всякого деспотизма, откуда бы тот ни шёл» [2, 1863, №3, с. 102].

На протяжении всей статьи И. Г. Долгомесьев, одновременно и горячо эмоционально, и глубоко аргументировано отстаивает идеи Толстого о свободном народном воспитании и образовании: «...он видит... что народ жаждет образования, что он без него жить не может и непременно, как свежего воздуха, будет искать его, дай ему только волю» [2, 1863, №3, с. 103].

В целом же, с точки зрения И. Г. Долгомесьева, суть статьи «Современника» «Наши толки о народном воспитании» – «глумление над народным элементом... людьми, имеющими в виду народ, постоянно стремящимся к соединению с ним и других зовущим к сближению, людьми, с этой целью изучающими народ и его стремления» [2, 1863, №3, с. 101].

Темой народного образования начиналось высказывание «Времени» о педагогической деятельности Толстого в самой первой заметке А. У. Порецкого о его новом журнале «Ясная Поляна» – и ею же оно завершается в последней статье И. Г. Долгомесьева.

Если Толстой-педагог был отнесен «Временем» к «людям, имеющим в виду народ, постоянно стремящимся к соединению с ним... людям, с этой целью изучающими народ и его стремления», то в связи с творчеством Толстого-писателя эта его позиция уточнена и самым непосредственным образом вписана в контекст почвенничества – в контекст ключевой философско-публицистической концепции журнала: «он, по происхождению и воспитанию разъединенный с **почвою**, старается, как все, **дорваться до почвы**, до простых основ, до первоначальных слоев» [2, 1862, №9, с. 4]. Это – представление о Толстом А. А. Григорьева, который посвятил ему во «Времени» цикл из двух статей.

Как видим, здесь вновь повторяется и подчеркивается мысль о Толстом как о человеке, который «вышел не из народа, а из той среды, которую по теории народ должен не признавать как чужую и незнакомую... Гр. Толстой не теоретик, а человек, бегущий от теории на свободу, на чистый воздух, к свежей, первобытной человеческой природе, просить у ней защиты от теории и совета, как ему поступать в его деле».

Литературно-критический цикл А. А. Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. 1) Военные рассказы. 2) Детство и отрочество. 3) Юность, первая половина. 4) Записки маркера. 5) Метель. 6) Два гусара. 7) Встреча в отряде. 8) Люцерн. 9) Альберт. 10) Три смерти. 11) Семейное счастье» состоит из двух статей, которые были опубликованы, соответственно, в январском и сентябрьском номерах журнала за 1862 год.

Статьи о Толстом – часть более общего литературно-критического цикла А. А. Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» во «Времени», цикла, который, в восприятии самого критика, претендовал на статус специального авторского литературно-критического отдела журнала: «особый, хотя конечно не непременно отдел оценки литературных явлений, или вовсе пропущенных, или мало оцененных современною критикою» [2, 1861, №4, с. 60]. После этого программного заявления под общим заглавием «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» будут опубликованы статьи «Псковитянка, драма Л. Мея», «Г-жа Кохановская и ее повести» – и две статьи о Толстом.

В «Статье первой» под специальным названием «Общий взгляд на отношения современной критики к литературе» А. А. Григорьев разъясняет свою позицию, вынесенную в название всего цикла. Нарисовав широкий контекст современной журнальной литературной критики, он утверждает, что, в конечном счете, Толстой-художник пока остается «явлением», «пропущенным критикой», – несмотря на бесспорный интерес к нему: «Толстой прежде всего кинулся всем в глаза своим беспощаднейшим анализом душевных движений, своею неумолимой враждою ко всякой фальши, как бы она тонко развита ни была и в чем бы она ни встретилась. Он сразу выдался как писатель необыкновенно оригинальный смелостью психологического приема. Он первый посмел говорить вслух, печатно о таких душевных дрязгах, о которых до него все молчали, и притом с такою наивностью, которую только высокая любовь к правде жизни и к нравственной чистоте внутреннего мира отличает от наглости. Этот прием изобличал в художнике и возвышенную искренность натуры, и бесспорно гениальное чутье жизни. Едва ли что подобное искренности этого приема найдется в каком другом писателе, даже из писателей чужеземных. Прием этот все более или менее заметили, да и не заметить его было невозможно. Но никто, сколько мне помнится, не потрудился взглянуть пристальнее в источники этого приема» [2, 1862, №1, с. 5].

Так в первой статье цикла был поставлен вопрос об «источниках» «беспощаднейшего анализа» молодого писателя, ответом на который и стала вся вторая статья А. А. Григорьева под названием «Литературная деятельность графа Л. Толстого»: «Какого же свойства этот анализ? С чего он начинается, как выражается, куда ведет и чем он различен от анализа других художников-аналитиков? Вот вопросы, которые должна поставить себе для разрешения критика» [2, 1862, №9, с. 2].

Ответом на этот ключевой для понимания Толстого, по мысли критика, вопрос, и становится понятие «почва»: «...он, по происхождению и воспитанию разъединенный с почвою, старается, как все, дорыться до почвы, до простых основ, до первоначальных слоев... Анализ Толстого дошел до глубочайшего неверия во все «приподнятые», «необыденные» чувства души человеческой... Везде следит он идеал простоты душевных движений» [2, 1862, №9, с. 15]. В этом «почвенническом» контексте «„коренных начал“ народной нравственности» А. А. Григорьев и интерпретирует творчество Толстого: «Везде следит он идеал простоты душевных движений». «Почвенничество» – «метафора как идеологема», – подчеркивает в своей недавней работе В. Н. Захаров [4, с. 14]. После выхода в свет новой повести Толстого «Казачьи» во «Времени» появляется еще одна статья о творчестве писателя. Статья Я. П. Полонского «По поводу последней повести Л. Н. Толстого „Казачьи“ (Письмо к редактору „Времени“»)» была опубликована в том же в мартовском номере журнала 1863 года, что и статья И. Г. Долгоместьева «Сказание о „Дураковой плешини“ (по поводу распри „Современника“ с „Ясной Полянкой“»)», и эти две статьи размещены рядом в разделе журнала «Современное обозрение». Так мартовский номер «Времени» 1863 года стал своеобразным итогом анализа деятельности Толстого в журнале братьев Достоевских. Причем эту функцию подведения подобного итога выполнила именно статья Я. П. Полонского.

Она начинается с прямого указания Я. П. Полонского на то, что это «Письмо к редактору „Времени“» о новой повести Толстого ему было заказано редакцией журнала: «Я не критик, но **по желанию вашему** пишу и посылаю к вам критические заметки по поводу только что прочитанной мною повести „Казачьи“, соч. графа Л. Н. Толстого» [2, 1863, №3, с. 91]. Подобный заказ редакции, безусловно, свидетельствует о пристальном интересе братьев Достоевских к творчеству Толстого. Но каковы доминанты этого интереса?

Изначальная позиция Я. П. Полонского в статье подчеркнута противоречива: «Повесть „Казачи“, есть произведение замечательного художника и в тоже время не есть художественное произведение». Далее в статье разворачивается анализ главного героя повести Оленина, который представлен здесь как «герой без всякой силы... Оленин далеко не представитель лучших людей нашего времени. Он человек явно отживающего поколения, нечто вроде бледного отражения лучших людей пушкинской эпохи. Наши передовые люди, восставая на все что ложно и гнило в нашей цивилизации, не пойдут наслаждаться на лоне природы или искать отрады у диких» [2, 1863, №3, с. 94–96]. Так размышления об Оленине как о «герое без всякой силы» приводят автора статьи к вопросу о «наших передовых людях», где у Я. П. Полонского возникает еще одно, теперь – окончательное и истинное – итоговое противопоставление, связанное с Толстым: «...у графа **Толстого герой без всякой силы**... Наши передовые люди, восставая на все что ложно и гнило в нашей цивилизации, не пойдут наслаждаться на лоне природы или искать отрады у диких. Они лучше, подражая графу **Льву Николаевичу Толстому, будут учить мальчиков**, чем гоняться за каким-то счастьем вне всякой цивилизации» [2, 1863, №3, с. 95–96].

«Толстой» – автор «Казачков», создатель Оленина как «героя без всякой силы» – противопоставляется здесь «**Льву Николаевичу Толстому**» – педагогу, который «учит мальчиков». Таков окончательный выбор Я. П. Полонского в поисках «наших передовых людей», и, думается, такова была доминанта редакции журнала братьев Достоевских в восприятии деятельности Толстого в начале 1860-х гг. Именно с Толстым-педагогом, в первую очередь, осуществлял свое «молчаливое сотрудничество» Достоевский в начале 1860-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Сов. Россия, 1979. Изд. четвертое. 320 с.
2. *Время*. СПб., 1861–1863.
3. Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч. в 30 т.* Л.: Наука, 1972–1990.
4. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Вып. 7. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 14–24.
5. Назиров Р. Г. *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет*. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 207 с.
6. Нечаева В. С. *Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»*. 1861–1863. М.: Наука, 1972. 302 с.
7. Померанц Г. С. *Открытость бездне: Встречи с Достоевским*. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с.
8. *Современник*. СПб., 1862–1863.
9. Соркина Д. Л. Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина // *Ученые записки Томского гос. ун-та*. 1964. №48. С. 145–151.
10. Соркина Д. Л. Замысел и его осуществление (из истории создания образа князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») // *Ученые записки Томского гос. ун-та*. 1965. №50. С. 33–44.
11. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». *Статьи и эссе о Достоевском*. СПб.: Серебряный век, 2012. 500 с.
12. Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений в 90 т.* М.: ГИХЛ, 1928–1958.

Поступила в редакцию 15.08.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.5

“Continuous Silent Collaboration”: L. N. Tolstoy in Literary Journal “Vremya” of M. M. and F. M. Dostoevsky

© E. G. Novikova

National Research Tomsk State University
36 Lenin Av., 634050 Tomsk, Russia.

Phone: +7 (3822) 53 40 79.

Email: elennov@mail.ru

The ideas of R. G. Nazirov on the fact that relationship of F. M. Dostoevsky with his contemporary writers and thinkers was “silent collaboration” are elaborated in the article. It is shown that the attitude of Dostoevsky brothers’ journal “Vremya” to Tolstoy’s educational activity and creative work in the beginning of the 1860’s is the example of such “silent collaboration”. The first comprehensive analysis of any and all references to Tolstoy presented in the journal “Vremya” was carried out: A. U. Poretskiy’s note on the journal “Yasnaya Polyana”, special anonymous article about Tolstoy’s journal, “Zhurnal’naya zametka” by Dostoevsky, articles by I. G. Dolgomes’ev “Nekotorye pedagogicheskie i nauchnye tendentsii” and “Skazanie o ‘Durakovoï pleshi’”, a series of articles by A. A. Crigoriev about Tolstoy’s stories and the article by Ya. P. Polonsky about “Kazaki”. It is proved that Tolstoy, first of all, attracted Dostoevsky as a talented and indigenous educator, while his creative work was considered rather ambiguous within the journal. The current research is based on the set of literary methods including biographical, comparative, historico-literary, and intertextual.

Keywords: R. G. Nazirov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, Dostoevsky brothers’ journal “Vremya”, L. N. Tolstoy’s educational activity.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Novikova E. G. “Continuous Silent Collaboration”: L. N. Tolstoy in Literary Journal “Vremya” of M. M. and F. M. Dostoevsky // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 5. Pp. 369–377.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]*. Moscow: Sov. Rossiya, 1979.
2. *Vremya*. Saint Petersburg, 1861–1863.
3. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]*. Leningrad: Nauka, 1972–1990.
4. Zakharov V. N. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. No. 7. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012. Pp. 14–24.
5. Nazirov R. G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniya raznykh let [Russian Classic Literature: Comparative Historical Approach. Studies in Different Years]*. Ufa: RIO BashGU, 2005.
6. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya» [Journal of M.M. and F.M. Dostoevsky “Vremya”]*. 1861–1863. Moscow: Nauka, 1972.
7. Pomerants G. S. *Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim [Openness to Abyss: Meetings with Dostoevsky]*. Moscow: Sov. pisatel', 1990.
8. *Sovremennik*. Saint Petersburg, 1862–1863.
9. Sorkina D. L. *Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta*. 1964. No. 48. Pp. 145–151.
10. Sorkina D. L. *Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta*. 1965. No. 50. Pp. 33–44.
11. Tikhomirov B. N. «...Ya zanimayus' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom». *Stat'i i esse o Dostoevskom [“...I Deal with This Mystery because I Want to Be Human”]. Articles and Essays on Dostoevsky*. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 2012.
12. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t. [Complete Works in 90 Volumes]*. Moscow: GIKhL, 1928–1958.

Received 15.08.2014.